

Залиха Курбанова

ГОРЕМЫЧНЫЕ

– Ама¹, я хочу есть... и пить тоже...

Небольшая тщедушная девочка лет пяти, словно запнувшись, остановилась на пыльной дороге, готовая вот-вот заплакать. Торопливо шагавшая рядом с ней молодая женщина нерешительно замедлила шаги, увидев умоляющие глаза ребенка. Сама она, не бравшая в рот ни крошки со вчерашнего вечера и уже давно привыкшая перебиваться остатками со скудного бедняцкого стола, попросту приноровилась к чувству постоянного голода. Немного поразмыслив, она все же остановилась и стянула с плеча небольшой выцветший холщовый узел. Затем присела на корточки и бережно, словно внутри находилась невесть какая драгоценность, развязала его. Вид гуоки, хлеба из смеси отрубей и остатков кукурузной муки, испеченного в холлу – железной печи, врытой в пол посередине комнаты, на таба накануне, перед дальней дорогой, мигом преобразил простодушно-милую мордашку девочки. Радостно засмеявшись, она благодарно взглянула на родительницу и, поспешно выхватив из ее рук ломтик хлеба, тут же с хрустом надкусила вкусную золотистую корочку. У матери же ее сердце зашло от жалости к маленькой дочке, которая была вынуждена брести с ней в такую рань и в такую даль. А идти им придется немало верст от их безымянного, затерянного в чащах села, расположившегося близ гор Заилийского Алатау, до селения Милянфан, где их ожидала поденная работа у тамошнего дунганина-богача Ибрагима.

Собрав хлебные крошки с оставшимся куском гуоки, женщина заново завязала холщовый узел. Стараясь не глядеть на весело жующую дочь, она сглотнула слюну, вызвавшую судорожные боли в ее пустом желудке. К хлебу она не посмела притронуться: это на потом, думала мать, путь не близок. Губами собрав с длинных натруженных пальцев приставшие крошки хлеба и стараясь как можно дольше поддержать их во рту, она взяла свое чадо за руку, и они продолжили путь. Они шагали и шагали – мать, вновь углубившаяся в нескончаемые, безрадостные думы, и дочь. Повеселевшая, она разглядывала все, что попадалось на их пути, гонялась за легко парящими, разноцветными, большими и маленькими бабочками или же норовила сорвать и понюхать нежно-желтенькие, ванильно пахнущие ирисы.

Плаксиво-жалостная гримаска, с которой наш маленький ангелочек обратился к матери в начале повествования, нисколько, ни в коей мере не могла испортить ее кругленькое прехорошенькое личико. Маленький прямой носик Зейнаб, именно

¹ Ама – мама (дунг.).

так зовут ее, знаток непременно отнес бы к разряду точеных, а прелестные маленькие губы ее, будто бы очерченные трепетной и умелой кистью живописца и им же окрашенные в самый нежный и невинный цвет, вызвал бы у вас неподдельное восхищение и самые лестные эпитеты. Густые и черные стрелы ее длинных ресниц, подобно прибрежным стройным пушистым деревьям, окаймляли черные и казавшиеся бездонными озера чуть раскосых глаз, очень выразительных под широкими сросшимися бровями. Как говорила ее покойная бабушка, отцов мать, оттого у внучки такие красивые реснички и бровки, что вместо материнского молочка она пила в младенчестве козье (у матери Зейнаб вскоре после родов пропало молоко, и ее свекрови пришлось на время арендовать у соседней отелившуюся козу с новорожденным козленочком в придачу).

Недлинные иссиня-черные волосы девчушки мать заплела чуть выше ушек в две забавно торчащие косички. Вместо сережек у девочки сквозь едва видимые отверстия на нежных ушных мочках были продеты в несколько раз перевитые воздушные красные нитяные колечки. А вообще-то если бы это маленькое чудо разодеть в те богатые и роскошные одеяния, в кои были облачены такие же немислимо прелестные маленькие девы с древних китайских гравюр, с умопомрачительными прическами из райских цветов, то Зейнаб, вне всяких сомнений, была бы одной из самых красивейших.

Но теперь наряд девочки состоял из длинного, безусловно перешитого из чьего-то, платья со стандартным воротником-стойкой, поверх которого красовался такой же – по шаблону скроенный – ватный дунганский джяжязы – безрукавка из выцветшего, а когда-то черного цвета, плюша. По талии джяжязы был перехвачен бечевкой. Крошечные ножки Зейнаб были обуты... Но об этом вы узнаете немного позднее.

Матери девочки, Семе, по виду можно было дать чуть больше двадцати лет. Росту она была среднего, статная и белолицая, с высоким выпуклым лбом. Лица матери и дочери были словно списаны друг с друга. Одеяние Семе почти так же полностью дублировало свою уменьшенную копию. Исключением лишь являлись надетые под длинное платье домотканые, просторные, темные сатиновые шальвары, суженные к щиколоткам, по самому низу полоска-манжетка была вышита незатейливой цветной гладью. На небольших изящных ногах женщины были черные матерчатые китайские тапочки, а носками служили вручную сшитые грубые белые следики. Как и полагалось замужней женщине-дунганке, голова ее была покрыта платком, цветастым и дешевым.

Весна была в самом своем разгаре. Раннее утреннее солнышко, словно новорожденное дитя, незаметно воспаряя выше и выше по голубовато-розовому небосклону, мягко светило в спину нашим путешественницам, и начинающийся весенний юный день обещал быть ясным и теплым. И в подтверждение этой хорошей новости звеневшие в небе жаворонки и другие пернатые создания своим пением, чириканьем и свистом невольно ободряли их, вселяя еще большую радость и надежду. Это приподнятое настроение никак не могла испортить промозглая сырость, вызванная резкими порывами ветра, словно по волшебству возникавшего вдруг ниоткуда, да и сама матушка-земля еще не успела полностью прогреться. И беловато-молочный туман, исходивший из ее чрева словно могучее и ровное дыхание спящего колосса, стелился, подобно миражу в пустыне, повсюду, куда ни кинешь взгляд.

Дорога в нужное им село, если это можно было бы назвать дорогой с высоты сегодняшнего дня, бессовестно петляла, подобно зайцу, хаотично удиравшему от злого волка. То была зигзагообразная, порой то узкая, то широкая колея, проложенная колесами арб, одиноких конных путников, бесчисленных лошадиных копыт, тысячи раз, может статься, наступавших на свои же собственные следы. Еще совсем недавно здесь водилось несметное количество волков, лисиц, почти непроходимые чащобы изобиловали колониями жирных перепелок, фазанов и других редких обитателей этой по-настоящему, без прикрас уникальной заповедной зоны.

Не один десяток лет щедро поливаемая дождями и подмываемая талыми снегами, обдуваемая всеми ветрами дорога ныряла резко вниз так, что провисшие по обеим ее сторонам кусты и корни оказывались прямо над головами незадачливых путников. Нашим знакомицам, особенно крошке-девочке, она, дорога, казалась ужасно-нескончаемой и непредсказуемой из-за бесконечных выкрутасов: она виляла то влево, то вправо, то снова вниз, и если вовремя не остановиться, то можно запросто сорваться и с головой угодить в ледяные воды невесть откуда вдруг взявшегося, широко разлившегося лесного ручья.

– Ама, а зачем мы туда идем?

Малютка, едва успевавшая бежать вприпрыжку за родительницей, чуть сильнее потянула мать за руку в надежде привлечь ее внимание. К загоревшим ножкам Зейнаб, плотно обернутым в тряпки-портяночки, были привязаны маленькие деревянные колодки, призванные выполнять роль подошвы. Машинзы – тоненькие веревки, скрученные из нескольких шнурков, – держали эти подошвы. Шнуры эти даже сквозь толщу тряпок умудрились до крови натереть тонкую детскую кожицу, и маленькая шалунья безуспешно все старалась их сбросить втайне от матери.

– Зачем идем, говоришь? – машинально повторила за ней Семе и, словно только что очнувшись от долгого тяжелого сна, вскинула голову.

Ее темно-серые, обрамленные густыми и тяжелыми ресницами глаза казались гаснущими угольками. Да и две продольные, глубокие не по возрасту морщинки на высоком белом лбу лишь утверждали свое неуместное местонахождение на столь молодом лице. Так и не найдя нужного ответа и отрешенно-виновато поглядев на свое вопрошающее чадо, она перекинула на покатые плечи прекрасные, доходящие до икр две косы, соединенные посередине тонкой почерневшей серебряной цепочкой с бубенцами, подняла изрядно уставшую дочку на руки и заторопилась дальше... В самом деле, чем могла горемычная мать обрадовать, в сущности, такое же несчастное дитя?

Родители Семе в далекие, треклятые годы так называемого раскулачивания были самым кощунственным образом признаны оными, то есть злостными кулаками. Господи, а кулаки-то они были – корова-кормилица да с десятков кур и гусей! И без того еле сводившая концы с концами их большая семья: ама, ада, старшие две сестры и брат и девочка-подросток Семе, – попав в ту безрассудную жестокую мясорубку, без вины виноватые, была вконец разорена и беспощадно выброшена из своего домишки на растерзание всем несчастьям и напастям. Помотавшись на горьких хлебах у близких и дальних родичей, а то и просто у знакомых-земляков, мать была вынуждена рано выдать замуж своих дочерей, а самую младшенькую, Семе, и вовсе в пятнадцать лет. А иначе один Всевышний знает, какие невзгоды и беды пришлось бы им пережить. Глава семейства, так и не сумевший оправиться от свалившихся на его семью невзгод, получил разрыв сердца и умер. Три года спустя после замужества

Семе мать, исполнив свой священный долг перед дочерьми, со спокойной душой отправилась вслед за почившим супругом в мир иной. Единственная, казалось бы, опора и надежда семьи – старший брат Исмазы, неожиданно-негаданно оказавшись в списке врагов народа, бежал из дома темной ночью неизвестно куда и сгинул на долгие годы. Да еще бедняга сломал ногу, второпях спрыгивая с чердака дома, когда убегал от пришедшего за ним отряда красной милиции.

Слава Богу, супруг нашей Семе попался хороший, молодой и покладистый. Но что-то подтачивало его изнутри, и он частенько хворал, благо, их детки рождались вполне здоровыми. Долгожителями не были и свекровь со свекром, также рано покинувшие этот грешный мир.

Конечно, добытчик и помощник Турсын, так звали мужа Семе, был не ахти какой, но посильную помощь молодой работающей красавице-жене оказывал с большой охотой, уважая и всячески жалея ее.

Вот и на этот раз Семе со старшенькой дочуркой Зейнаб, оставив на попечении хворого мужа двух младших детишек – трехлетнего сына и годовалую кроху-дочь в их маленьком саманном жилище, отправилась к чужим людям на заработки. Домик их состоял из сеней и единственной крохотной комнатенки. Снаружи он казался кособоким курятником с единственным оконцем-глазком. В непогоду с прохуdivшейся плоской и тонко замазанной глиняной крыши обильно капало, особенно на обогреваемый топчан-кон, служивший им и кухней, и спальней, и гостиной. Турсын находил выброшенные за ненадобностью старые дырявые чайники, ковши, пиалы, лудил-чинил их и использовал это старье как емкости для сбора влаги во время ливневых дождей и снеготаяния. В такие моменты весь кон и все оставшееся пространство в помещении были заставлены этими трофеями.

Сейчас же наступила благодатная пора огородов. Они были кормильцами трудолюбивых дунган, которые радовались каждой благословенно взошедшей съедобной зелени, особенно джюце, издревле почитаемой дунганами и ни с одной другой зеленью не сравнимой своим ароматом, вкусом и пользой.

...Вконец измотанные тяжелой дорогой мать и дочь наконец достигли цели своего нелегкого маршрута и, расспросив двух подростков-пастухов на окраине села, лениво растянувшихся на облезлых овечьих шкурах возле мирно пасущихся коров, коз и баранов, нашли нужный дом.

Семе долго и настойчиво стучала в крепкие дубовые ворота довольно высокого добротного дома, на крыше которого красовался резной деревянный петушок. Это и был главный ориентир, которым ее напутствовал дядя ее мужа, деревенский водовоз Мамаз-йифу², слыvuщий у сельчан всезнающим и везде успевающим человеком. Довольно долго Семе кричала, призывая хозяев: дагэ, созы, нёнё³, йифу, – пока наконец из-за тяжело заскрипевших открывшихся ворот не показался невзрачный, сердитого вида хорошо одетый высокий молодой мужчина с громадной дубинкой в руке. Семе приняла его за хозяина, но он оказался лишь ходжы – слугой. Хмуро расспросив пришедших, он велел им оставаться за воротами и вальяжно-медленно, явно издеваясь над женщинами, вновь удалился.

Теперь, оказавшись так близко у цели, Семе испытывала жуткое нетерпение и сожаление от просто так, напрасно уходящего бесценного для нее времени: пока они вдвоем с дочерью мужественно преодолевали долгий путь, солнце успело

² Йифу – дядя (дунг.).

³ Дагэ – старший брат. Созы – невестка. Нёнё – тётушка (дунг.).

опередить их и теперь находилось почти что на середине небесного свода. А работы, по словам водовоза, было, с учетом размера владений хозяина, не на один и даже не на пять часов. Нужно будет еще успеть затемно вернуться назад домой по пустынной и вовсе не безопасной дороге.

Явно нарочно подвергший ее столь мучительному ожиданию, в конце концов вновь появившийся слуга впустил путников.

Никогда еще в своей жизни ни мать, ни дочь не лицезрели такого, по их мнению великолепия: огромный двор богача был ровно вымощен глиной вперемежку с мелкими камнями, по обе стороны двора стояли два дома – справа большой, с просторной верандой без окон, в глубине которой виднелись расположенные недалеко друг от друга три одинаковые деревянные некрашенные двери из свежих досок, ведущие в разные комнаты, на каждой из дверей висел тяжелый замок. Дом казался необитаемым. Напротив него, через двор, стоял второй дом, не столь высокий, как тот, что виднелся с улицы, но также добротный и длинный, со множеством комнат, чем-то напоминающий караван-сарай. У основания длинного дома за низеньким ограждением из аккуратно связанных между собой ломанных сухих веток была насыпана и утоптана жирная черная земля, вперемежку с навозом, судя по витавшему здесь специфическому запаху. На этой незамысловатой импровизированной клумбе в идеально гармоничной цветочной гамме сочетались нежно-зеленые листочки и ярко-розовые бутончики распускавшихся кустов чайной розы. Местами они, уцепившись невесть за что, причудливо вились по шероховато замазанным стенам дома и оттуда, с высоты, продолжали ласкать взор. За окнами этого дома слышался громкий говор находящихся там людей, и сквозь неплотно задернутые ситцевые занавески на пришедших глядели любопытные женщины, должно быть, многочисленные снохи плодовитого богача. У многих на руках сидели младенцы, крики и плач которых доносились даже из-за закрытых окон.

Следуя за слугой в огород мимо фянпын – летней столовой, расположенной справа в глубине двора, частично огороженного от сквозняков снопами прошлогодней чумизы, на высоком и просторном топчане мать и дочь увидели немолодого и степенного толстого мужчину. Он был богато, почти празднично одет. Белая бязевая рубашка-косоворотка выглядывала из-за наполовину распахнутого чапанасюртука, пошитого из дорогой, незнакомой Семе ткани. Но воротник рубашки был засаленным и казался грязным, заметила она. Его плотные широкие штаны были заправлены в высокие узбекские ичиги. А рядом – калоши. О, калоши, – это невиданное доселе чудо прогресса, – новые, блестящие, словно слюда, были сняты и валялись тут же на топчане. На голове у старика была белая войлочная шляпа. Лицо его казалось почти безбровым, настолько редки и коротки были волосы на месте, именуемом бровями. В противовес его маленьким и узким глазам, на гладком, почти без морщин лице старика выступал большой приплюснутый нос, под которым убого редели белые щетинки похожих на кошачьи усов.

Слуга подбежал к старику и, угодливо ослабив усатый рот с кривыми желтыми зубами, что-то сказал тому. Хозяин (это и был знаменитый в тех краях богач Ибрагим – бай, торгаш и купец) полусидел-полулежал, опершись на локоть правой руки, на куче сатиновых подушек. Равнодушно и нехотя кивнув головой на низкий почтительный ритуальный поклон молодой женщины, он вернул свой небрежный взгляд к стоящему перед ним невысокому прямоугольному джозы⁴,

⁴ Джозы – обеденный столик на низких ножках.

заставленному дымящимися, видимо, совсем недавно испеченными в масле жареными бинзы⁵ и тарелками с тушеным кислым бице, украшенным крупными ломтиками жирновато-янтарного мяса, скорее всего, баранины. Рядом с салатом лежали медная, поблескивающая золотом чайная ложка (а может быть, она и на самом деле была золотой, кто его разберет) и пара красивых расписных куэзы – деревянных палочек для еды. По соседству с большим пузатым расписным китайским заварным чайником на небольшом медном блюде-лигян высился холмик чего-то похожего на кусок серебристого льда с многочисленными переливающимися гранями. Это сахар, ак-нова, догадалась Семе. Ей доводилось пробовать это лакомство на собственной свадьбе, правда, тогда на столе у них этого деликатеса было всего с горсточку на каждом блюде, да и размером они были с тыквенное семечко.

– Ама, этот ей кушает, пойдём туда! – малютка Зейнаб, вновь начавшая испытывать необоримое чувство голода при виде такого изобилующего и источавшего невообразимо вкусные запахи дастархана, с надеждой коснулась материнской руки. Та, бедная, густо покраснев от стыда и неловкости за крошку, низко пригнула голову и, поспешно увлекая за собой дочь, чуть не бегом рванулась вслед за слугой к узкой калитке, ведущей в йюянзы – садово-огородный надел.

Трапезничавший богач, словно ничего не видя и не слыша, продолжал лениво прихлебывать ароматный густой чай из маленькой цветастой пиалы, время от времени отщипывая куски румяного жареного бинзы своими толстыми, короткими, словно обрубки, пальцами. Ему и в голову не могла прийти мысль угостить малютку долькой льдистой сладости или частью лепешки. Скорее всего, он и разбогател столь сказочно, живя по принципу: «всех голодных не накормишь, каждому бедняку сочувствовать – сам голодранцем станешь». Воистину, конный пешему не попутчик!

В огороде, едва отдышавшись от обуревавших ее унижения и беспомощности, с трудом проглотив невидимые и беззвучные жгучие слезы, Семе достала из глубокого просторного кармана безрукавки-джяжязы небольшого размера цянцзы. Этот с виду совсем неказистый садовый инвентарь на самом деле древнее, незаменимое и непревзойденное по своему предназначению орудие ручного труда у пахарей-дунган, не имеющее аналогов среди своих мировых собратьев, – единственный и веками проверенный, надежный помощник в такой трудоемкой и монотонно-выматывающей работе, как прополка едва видимой, только пробивающейся из-под земли млечной зелени.

Дождавшись, пока неприветливый слуга запер за собой калитку и удалился восвояси, женщина подошла к понуро стоящей девочке. Крепко обняв и прижав ее к себе и стараясь унять двойное – свое и своей кровинушки страданье и обиду, она утерла девчужке заплаканные глаза ладонью и, долго не раздумывая, вынула и вручила ей оставшийся ломоть гуоки.

Поцеловав Зейнаб еще раз, Семе нарочито бодрым и веселым голосом сказала:

– Ну, доченька моя, как закончишь есть хлеб – будешь помогать мне, а то так просто еды нам никто не даст!

Для пущей убедительности вытряхнув песчинки хлебных крошек из опустевшего платка к задней стене фянпын, куда не могли ступить человеческие ноги (хлеб

⁵ Бинзы – тонкие слоенные лепешки, жаренные на масле.

– великая святыня, наступать на него – огромный и страшный грех, говорят старые люди), Семе в несколько раз сложила его, сделав нечто похожее на маленькую подушку. Внимательным взором оценив раскинувшуюся перед нею обширную зеленую ниву, она опустила на корточки и, подложив под одно из колен импровизированную подушечку, энергично принялась за работу с самой крайней, сильно заросшей репьем грядки, судя по ботве – дунганской белой редьки.

Хоть и не понравился ей Ибрагим-бай своей неприветливостью, но наверняка оплатит ее труд какой-нибудь снедью – рисом-сечкой или мукой, пусть даже самой серой и пусть даже не совсем свежей, мечтала наша героиня. Ведь обнадежил же ее Мамаз-йифу, имевший незадолго до этого дня беседу лично с купцом, которому он, по счастью, когда-то и в чем-то оказал весьма значительную услугу. Воодушевленная такой радужной перспективой наша неутомимая труженица была не в состоянии предаваться всем прелестям этого яркого, по-настоящему весеннего дня: ни пьяняще-дурманящим запахам обильно цветущих яблонь, груш, абрикосов и персиков, раскинувшихся по всему периметру глиняного забора-дувала, ни зеленой огородной плантации. Ее озабоченный слух не улавливал разноголосого кудахтанья несущихся кур и урезонивающих их петушиных «кукареку», доносившихся из большого саманного курятника, расположившегося на самом конце огорода, рядом со стойлами для коров и овец. Оттуда же слышался глухой лай и рычание огромных сторожевых псов, скорее сравнимое с рыком. Даже столь любимое ею кукованье одинокой печальной кукушки и монотонно вторящий ей голос удода, похожий на беззлобное ворчание престарелого дедушки, не вызывал в сосредоточенной и смятенной душе ее того умиления и восторга, как в былые времена. А ведь она знает так много стихов, пословиц и прибауток на эти случаи. Вот, например: «Гу-гу дын, Гу-гу дын, ни ме янзы, вэ ме фын!» – это про то, что бубнит удода: «Гу-гу дын, Гу-гу дын, ты торгуешь румянами, я же – пудру продаю!» Так отвечать на монолог удода научила ее покойная мать (да будет земля ей пухом и отпустит Всевышний все грехи бедной страдальце!). Ныне же все свои недоужинные способности, а также старание и терпение Семе направила на это необъятно зеленеющее поле, на ровные гряды густо посаженного, знакомого нам джюце, с прямыми, как на подбор, листочками-стрелками; поросли молодого зеленого горошка и белой фасоли витиевато расползались во все стороны; коготками в землю уцепились набиравшие рост хрупкие стебельки огурцов, помидоров, баклажанов, дунганского горького перца, бице и других овощей. Все это весеннее зеленое великолепие росло вперемежку с буйно разросшимися колониями зловредного неприятеля, почти что неистребимых и трудноудаляемых огородных сорняков. И нашей милой Семе теперь предстояла ой какая нелегкая борьба с этой упрямо-непобедимой живой напастью. Но судьба посылала ей и не такие испытания.

С почти веселым ожесточением она продолжала упорно и беспощадно выпалывать сорняки с их крепкими и очень глубокими цепкими корнями, ловко и быстро орудуя своим железным другом-цянцязы.

– Быстрей, быстрей убирай траву, доченька!

Семе, напрочь позабыв о голоде и усталости, полола и полола, забрасывая малышку пучками извлекаемых ею сорняков. Та, бедняжка, в свою очередь, в попытках захватить как можно больше травы в охапку порой не видела из-за неё землю под ногами, и, спотыкаясь, бегом относила непосильную для нее ношу в уже образовавшуюся большую кучу для просушки на краю арыка.

«Нян па, шу ма! (Глаза боятся – руки делают!)» – подбадривала себя Семе, уверенным взмахами цянцязы уменьшая территорию занимаемых неприятелем позиций.

Но более всего ее сердце грела мысль о награде за работу, которую она скоро должна закончить. Дома-то у них – шаром покати: ничего, кроме полужки отрубей. Хоть ложись да помирай с голоду. И помощи ждать неоткуда. А так хозяин огорода обязательно останется доволен ее работой. Вон как чисто прополола! Не напрасно у себе в селе Семе слывет одной из самых прилежных и старательных молодежи не только в огородническом деле, но и мастерицей шить и вышивать, да и состряпать любое блюдо она великая охотница, только было бы из чего. Это про нее, такую искусницу, люди говорят: «Шон кон – цефын, ха кон – фызы!» («На топчане я портниха-мастерица, а спустившись с него – мастер-повариха!»).

Солнце незаметно опускалось к горизонту, скрываясь за грядками темнеющих на западе величественно-молчаливых горных цепей, и полгоризонта на грозно темнеющем стыке двух гигантов – неба и земли – было окрашено кровавым багрянцем.

Расправившись с последней, самой маленькой, едва различимой в сумерках травой и сидя почти на земле, Семе как будто не верила своим глазам. Онемевшими и ставшими вдруг сразу непослушными руками она с трудом отерла стекавшие со лба ручейки пота. Пот донельзя намочил прилипший к голове платок, мокрой была и ее одежда. Теперь, с колотящимся от усталости и позабытого чувства голода сердцем, она чувствовала себя совершенно опустошенной. Опершись на дрожавшие от непрерывной работы руки, она попыталась встать и расправить занемевшую спину, но почувствовала страшное головокружение, и в глазах ее потемнело. Качнувшись, словно в забытьи (она, кажется, и в самом деле на какое-то мгновение потеряла сознание), горемыка-мать вновь упала на выполотую ею грядку редиски. Перепуганная Зейнаб подбежала и опустилась рядом с матерью на колени, и, не зная как помочь родимой, со страхом глядела на нее и маленькой грязной ладошкой гладила по голове.

– Закончила полоть?

Резкий голос словно следившего за ними слуги заставил ее вздрогнуть, и, удивительно, слуга помог Семе встать на ноги. Сердце ее колотилось так громко, что готово было выскочить из гортани. Оно билось словно какое-нибудь пернатое, плененное мальчишкой-сорванцом, в предчувствии неминуемой смерти. От перенапряжения и жажды внутренность женщины высохла и сжалась, и когда она попыталась что-то выдавить из себя, из ее горла вырвался только какой-то хрип, а на спекшихся красивых губах показались капельки алой крови. Испуганная необычным состоянием матери и еще сильнее оробев, бедная девочка прижалась к ней. Слуга тем временем, с прежним недовольным выражением на неприятном лице с загнутым, как у филина, носом, быстро осмотрел очищенные и обновленные уголья. И хотя придраться было абсолютно не к чему даже самому привередливому зануде на всем белом свете, он, подойдя к копнам уже почти высохших трав, пнул, разбрасывая сорняки своими ножищами, обутыми в ичиги, наверняка с хозяйской ноги. После чего буркнул:

– Выходите, я буду закрывать!

Плотно забаррикадивав калитку приспособленным для этого случая тонким обструганным стволом молодого карагача, слуга так же хмуро продолжил давать указания:

– Во дворе спущены злые собаки! Сейчас вы будете есть, ждите меня здесь!

Услышав последние слова о еде, девушка встрепенулась и радостно поглядела на мать: сейчас их накормят, быть может, той самой вкуснятиной, которую ел сердитый и жадный ей.

Уже смеркалось, и во дворе не было никого, кроме трех мужчин-работников, двое из которых были явно скотниками-пастухами. Они загоняли окриками и улюлюканьем скот, выпасавшийся на богатых лугах на задах усадьбы. Знакомый нам ходжки едва удерживал в руках длинные железные цепи с двумя огромными, кидающимися на Семе и ее дочь злобными псами, испугавшими до икоты малышку Зейнаб. За окнами длинного дома, искаженные колеблющимися отблесками мигающих свечей, изредка взад и вперед сновали тени, которые казались огромными. Опустел и фянпын, возле которого их оставил ждать слуга. Сейчас он казался заброшенным, темным и мрачным, вдобавок здесь хозяйничал крепкий сквозняк. На пустом джэзы в маленьком блюде сиротливо гнулась полустгоревшая свечка-ёндын, словно подслеповатая и немощная старушка с низко опущенной седой головой. Её слабые блики едва освещали лоскут промасленной кухонной тряпки, расстеленной на краю кона, на котором были разбросаны несколько кусков очерствевшего утреннего бинзы; в двух небольших, щербатых по краям вян остывал какой-то суп, скорее всего, остатки тонфян-мянпиёр⁶, это угадывалось по всплывшим со дна нескольким пластинкам отрывного домашнего теста. Рядом кособочился весь покрытый черной копотью старый чайник.

– Ешьте побыстрее и уходите, мне надо запирать ворота! – всем своим видом показывая явное нетерпение, слуга нервно постукивал своей дубинкой по голенищам щегольских ичигов.

– Разве дагэ... – от волнения и внезапно охватившего ее нехорошего предчувствия у Семе в очередной раз сорвался голос, но она в отчаянном упорстве вымученно улыбнулась и заставила себя вежливо продолжить: – Разве наш дагэ (хозяин) ничего не оставил мне за оказанную помощь?

Заменив слово «работа» на «помощь», она попыталась подчеркнуть свою неназойливость и тактичность, ведь хозяину она была представлена хоть и заочно, но все же хорошо зарекомендовавшей знакомой работницей. А она-то, сердешная, по доброте и наивности своей понадеялась, что помимо продуктов им с дочерью милосердно предложат переночевать тут, хотя бы в том же холодном фанпын, ведь уже ночь грядет.

– Щунди⁷, вы же сами видели, как замечательно мы с дочкой поработали в огороде: ни одной травиночки, ни одной сориночки там не осталось нигде, все-все повыдергивали до единой, ну, пойдемте, поглядите еще раз!

Несчастливая Семе униженно-умоляюще напрасно заглядывала в бесцветные, ничего не выражающие глаза работника. Она совсем не замечала резкой боли, когда при каждом ее слове из глубокой трещины на ее губах, не успевавшая затянуться, сочилась ставшая совсем темной кровь. Мягко дотронувшись до рукава его чапана, бедолага попыталась вернуть слугу в огород, чтобы подтвердить, что она говорит истинную правду. Но он, брезгливо отстраняясь от протянутых в тщетной мольбе, исполосованных пылью и зеленью женских рук, грубо оборвал ее:

– Я сказал: доедайте и побыстрее уходите. Еда – плата вам за работу, так сказал хозяин-дагэ!

⁶ Тонфян-мянпиёр (лепестки теста) – дунганское национальное блюдо.

⁷ Щунди – братишка (дунг).

Тем временем малышка Зейнеб, никого вокруг себя не замечая, уже стояла у едва достигающего ей до подбородка края кона рядом с вожделенной пищей. Поминутно приподнимаясь на цыпочки, она испачканными грязью ручонками хватала сухие куски бинзы и, обмакивая в остывший бульон, жадно и спешно отправляла в голодный ротик. Увлеченная поглощением еды, она не подозревала о муках матери и, будучи совсем еще маленькой, не понимала всей глубины постигшей их горькой трагедии.

Матери же, Семе, из-за охватившей ее сильной тошноты не хотелось ни пить ни есть. Жуткий и мерзкий холод проник в ее замерзшее и ставшее безвольным тело, ледяными острыми иголками впиваясь в самое сердце. Внутри ее вдруг словно что-то резко надломилось и рухнуло, безнадежное отчаяние вмиг захлестнуло мертвыми петлями это и без того обездоленное существо, ей хотелось заплакать, зарыдать в голос от такой подлости и столь неслыханного вероломства. Но даже в эти драматические минуты полнейшего краха лелеемой надежды о спасительной еде для ожидающих дома маленьких птенчиков, ее голодных детишек, вопреки всему, в угоду неведомо какому божеству, она бессознательно пыталась соблюсти никому не нужное приличие – ей не пришло в голову воспользоваться даже такой уловкой бедняков, как право на возражение и слезы возмущения. Трясущейся холодной рукой она машинально и наугад взяла одну из чашек и, поднеся к онемевшим бескровным губам, пригубила безвкусное остывшее пойло, так и не поняв, что это было: то ли чай, то ли фян⁸. Все ее тело дрожало непрерывной крупной дрожью, а великолепные белые зубы, сродни ровным белым зернам кукурузы, касаясь краев пиалы, произвольно выстукивали частую дробь. Смочив пересохшее слипающееся горло, Семе, все еще находясь в шоке, отрешенно двигаясь, подобно сомнамбуле, собрала остатки хлеба с хозяйской скатерти и положила в карман своего джэжызы. Все так же молча, с белым обескровленным лицом, не слыша биения своего враз заглохшего и помертвевшего сердца, молодая женщина в таком же нестерпимо-звонящем скорбном молчании взяла разомлевшую и притихшую от усталости дочку за безвольную, тоненькую ручку и, не поднимая глаз, покинула двор жестокосердного мошенника-богача.

Незлобный лай одиноких бездомных собак, в поисках съестного бродивших там и сям по узким кривым улочках селения, проводил горемычную Семе и ее поникшее полусонное дитя до окраины села.

Спустя немного времени их крошечные и зыбкие силуэты совсем исчезли из глаз случайного и праздного зеваки, растворившись в последних лучах невозмутимо величественного, огненного владыки, словно обретя у него заветное убежище и защиту.

ОГУРЦЫ

То была первая в ее жизни поездка. Хотя ехать было уж и не так далеко – всего каких-нибудь два или три часа, но связанные с поездкой переживания напоминали не слишком душещипательную, но с изрядной долей трагизма семейную мелодраму. Вся суть беспрестанных аханий и оханий молодой и очень переживающей за маленькую дочку матери Рукхии состояла в том, что никогда прежде малышка не покидала свой отчий кров надолго. Разве что иногда сходить через несколько улиц к одной из родственниц, Меян-нё, приходившейся

⁸ Фян – лапша дунганская.

матери ребенка еще и закадычной подругой. Нёнё эта очень нравилась нашей маленькой героине не только из-за своей привлекательной внешности, но еще и потому, что была добра и приветлива ко всем. Муж Меян-нё, Шейхап-йифу, высокий и представительный, совсем еще не старый мужчина, имел большие, с закрученными сверху кончиками усы, в точности, как у маршала Буденного. Он работал директором местной Ирдыкской школы и, как и предписывал столь важный по тем временам пост, всегда выглядел строгим и даже немного суровым в своем неизменном сером костюме и галстуке. Но Руххия, будучи робкой и стеснительной девочкой, нисколько его не боялась: довольно часто общаясь с этим йифу, она узнала, что на самом деле он большой весельчак и шутник. С кем, с кем, а с малышкой Руххией он любил беседовать. Например, он говорил, чтобы она росла побыстрее, и, если она будет учиться хорошо в школе, он уступит ей директорское кресло, когда состарится.

Ну так вот. Когда следовало отнести какую-нибудь мамину выпечку или, наоборот, одолжить чего-либо у красивой нёнё, мама стояла у калитки дома, дабы наблюдать за дорогой, по которой её крошка должна была идти. Руххия же нарочно старалась шагать очень медленно, крепко сжимая в одной своей ручке авоську с гостинцем (как правило, авоськой служил красивый мамин передник), а в другой – ивовый прут, чтобы отпугивать многочисленных и надоедливых уличных дворняжек; беспрестанно оглядываясь назад, она хотела быть уверенной, что ее мама все еще стоит на своем наблюдательном посту. Но на этот раз все было волнительно и страшновато, так как предстояло ехать в такую даль, в какой-то Джаргылчак, да еще одной, а самое необычное – поездка на грузовой автомашине. За пять лет своей жизни Руххия не ездила на машине. Разве что в бричке соседей, да и то, когда их вислоухий и грустный серенький ослик или же принадлежавший этим же соседям-киргизам тощий-претощий мерин освобождались от каждодневного изнурительного труда. Мерин был стар, немощен и настолько вылинял от времени и непогоды, что даже Руххия, еще не посещавшая школу, могла по своим пальчикам пересчитать его выпирающие худые, старческие ребра.

В Джаргылчаке приезда племянницы ожидала Айше-нё, отцова родная сестра. Домашние говорили, что тетка питает теплые чувства к их дочери, наверное, потому, что внешностью она очень напоминает саму тетю в молодости. Руххия же по младости лет своих и по простодушию, столь важному (для тети, конечно) этому сходству значения никакого не придавала, никак свою личность с теткиной не сравнивала и, по правде говоря, особенных родственных чувств к ней не испытывала.

Да и откуда было им взяться? Девчушка свою нёнё всего-то в жизни видела, может быть, раз пять. Сама же тётя напоминала о себе тем, что временами оказией присылала им соленые курты и чебачки.

Хотя недавно приезд тетушки запомнился Руххие и ее сестричкам не самым лучшим образом. Айше-нёнё все еще, как и в молодости, была весьма недурна собой и, по слухам, пользовалась вниманием у представителей сильного пола, но все же лицо ее было взято в плен паутинок, мелких, возле глаз, и совсем глубоких на широком (как у папы Руххии) лбу, возле носа и губ морщин. Зато она гордилась и дорожила своими густыми и черными, как смоль, волосами, в которых как бы вы ни старались, не сыскать вам было ни единого седого волоска. А все потому,

признавалась Айше-нёнё, что она часто смазывает корни своих волос маслом из миндалин свежего абрикоса. Сей бальзам она собственноручно заготавливает впрок. Их благодатный край изобилует этим солнечным плодом. Потому-то ее волосы всегда такие черные и гладко-блестящие, как будто налакированные. Так в минуты откровения хвасталась молодящаяся, никогда не бывавшая замужем тетя. Ее взгляд при этом как бы невзначай опускался и задерживался на мысках ее изящных черных лакированных туфельек, куда также невольно устремлялись взгляды ее слушательниц. Туфельки эти были приобретены с большим трудом и через знакомых и привезены издалека. Вы удивитесь, но факт остается фактом: туфли эти, как и шикарные волосы нёнё, не поддавались влиянию времени; скорее всего, и для туфельек у тети Айши имелся какой-нибудь утаенный эликсир молодости; для Рукхии и ее родственниц они были пределом несбыточной женской мечты.

Абрикосовым бальзамом Айше-нё пробовала периодически смазывать не менее роскошные волосы своих племянниц, особенно своей любимицы Рукхии (надо сказать, прекрасные пышные волосы являлись их фамильной гордостью). Однажды помыв прямо на солнцепеке девочке голову, она вынудила ту вытерпеть пренеприятнейшие минуты по втиранию в корни волос обожаемой тетушкиной кашицы из абрикосовых миндалин. Далее она не стала щепетильничать и дожидаться, пока волосы девочки немного пообсохнут – раз двадцать своей большой деревянной гребенкой провела по головке бедной девочки, стараясь волосок к волоску пригнать косы племянницы. В итоге несчастная и безропотно подчинившаяся Рукхия из-за невероятно туго заплетенных косиц была не в состоянии даже моргнуть, а ее блестящие смородинки-глазки с мохнатыми ресницами казались будто пририсованными к вискам. Девочке было очень больно, но, опасаясь гнева тетушки, она была вынуждена молчать и с большим нетерпением дожидаться возвращения с работы матери, как спасения. Сама же Айше-нё пришла в неописуемый восторг от столь потрясающего результата своего непревзойденного таланта в таком деле, как парикмахерское искусство. Довольная собой, она, как заведенная, цокала язычком. В довершение всего она сочла нужным ну просто по-садистки втиснуть за маленькие, почти прозрачные ушки ребенка по розовому бутончику чайной розы, громаднейший куст которой рос на заднем дворе их усадьбы, красотой и ароматом привлекая крылатую живность со всех окрестных дворов.

Безусловно, со стороны нарядная головка девочки выглядела просто потрясающе-прелестно, как говорят, можно картину с нее писать, если не учитывать перенесенные страдания. Айше-нё совала племяннице свое карманное зеркальце в металлическом ажурном обрамлении. Но Рукхия отворачивалась, категорически отказываясь смотреться в него, то ли из-за невысказанной обиды, то ли из-за страха лицеизреть что-нибудь невообразимо чудовищное (то есть именно то, что она чувствовала в те неприятные и тяжелые для нее минуты). Разумеется, в другое время девочка с великой радостью была бы не прочь не только полюбоваться на себя в зеркальце, а и стать владелицей такой красивой и диковинной вещи.

Хотя зеркало в их доме было – большое, с многочисленными трещинами и мутное. Висело оно в гостевой комнате и довольно высоко, и смотреться в него тем, кто маленького роста, было не так-то и просто, как, впрочем, не было на то и

особенного желания ни у Рукхии, ни у ее сестричек. Потому что для самих родителей, в особенности для матери, их темноглазые и темноволосые забавные дочурки являлись самыми дорогими и любимыми существами на всем белом свете.

Но вернемся к поездке в Джаргылчак. Посоветавшись, родители решили пропустить соседа дядю Архипа, работавшего колхозным шофером на выдавшем виде старом ЗиЛе и жившего за три дома от них, отвезти Рукхию к тетушке на своем «драндулете» – так любовно отзывался он о своей машине-кормилице. Архип совершал регулярные рейсы в Джеты-Огуз, Тюп, Михайловку, Пржевальск. Возил он в основном колхозное добро: мелкий и крупный рогатый скот, домашнюю птицу, молочные продукты, овощи с дунганских огородов и самих колхозников, ехавших реализовывать плоды своих трудов на базар или на пристань.

Таким образом, учитывая важность столь неординарного события, как самостоятельная поездка дочери, отец Рукхии накануне сам отправился к соседу и заручился согласием последнего доставить их дочь в Джаргылчак в целости и сохранности.

Сама толком не выспавшись и спозаранку разбудив также неважно спавшую из-за предстоящих тревог дочь, мама девочки плотно накормила ее, почти насильно заставив съесть два сваренных вкрутую яйца и выпить полную чашку парного молока, надоенного еще до восхода солнца у коровы Майки. Затем энергичная и трудолюбивая мама Рукхии принялась готовить свое чадо в дорогу. Наспех убрав все лишнее со стоявшего посередине гостевой комнаты небольшого круглого стола-джозы, мама разложила и увлажненными руками бережно и тщательно разгладила новое платье дочки. Утюги в домах у жителей тогда еще не водились, по этой причине платье еще и лежало, разложенное под матрацем, на котором спала Рукхия, чтобы к утру немного разгладиться. Платье получилось очень нарядное, даром что мама не пожалела и перекроила его из своего приданного – из настоящего розового крепдешинового платья. Поверх платья мама надела на нее еще безрукавку из красивого ярко-зеленого плюша, которая застегивалась на одну-единственную большую перламутровую пуговицу. Безрукавка также была пошита самой мамой-рукодельницей. Хотя и лето бы вроде уже на пороге, но побережься не будет лишним: климат в их высокогорном краю своевольный, по утрам и вечерам, невзирая на теплый сезон, бывает довольно прохладно. Волосы дочери, как это делалось всегда, она заплела в две косицы, с очень ровным срединным пробором, а концы их закрепила тонюсенькими косичками из ее же волос.

Натерев до зеркального блеска старенькие коричневые сандалии ребенка промасленной ветошью и для пущей убедительности осмотрев наряд Рукхии со всех сторон, молодая мать наконец вручила ей два небольших узелка со свежими яйцами, домашним сливочным маслом и большим круглым домашним хлебом, предназначенными в дар тете.

Уже перед самым выездом, увидев ревущую железную махину, подъехавшую прямо к воротам их дома, Рукхия запаниковала и, крепко схватив мать за руку, попыталась увести ее назад, в дом. Ведь каждый раз, выйдя за какой-нибудь надобностью за ворота дома на улицу и услышав, а еще (не дай бог!) увидев одинокую, спешно едущую машину, она в великом ужасе мчалась со всех ног домой, крепко-накрепко закрывала ворота и с замирающим от страха сердцем выжидала, пока это страшилище проедет.

Эрсма-гэ⁹, отец девочки, в недавнем прошлом служивший в солидной должности в Н-м консульстве, был, как и большинство партийных деятелей того времени, подвергнут репрессии как враг народ и заключен в тюрьму. Перенесенные там пытки, издевательства и мучения подкосили здоровье совсем еще молодого мужчины, но не сломили его дух и волю. Аристократическую внешность его подчеркивали обязательность и пунктуальность во всех жизненных ситуациях, умение изыскано и аккуратно одеваться даже при нынешнем бедственном положении. Свои знания, свое духовное богатство с большой долей романтизма он пытался донести до своих детей, привив им страстную любовь к чтению и рассказывая различные занимательные истории и былинные сказки. Но при всем этом он был строг, порой даже чересчур.

Вот и сейчас, видя панику дочери, он, намеревавшийся поцеловать и обнять ее перед дорогой, поменял свое намерение и, слегка стукнув по земле тростью, на которую ему приходилось теперь опираться, сердито сказал ей:

– Рукхия, иди и садись в машину!

Затем, опомнившись и смягчившись, погладил дочурку по головке и подвел к машине. Но Рукхия еще сильнее прижалась к матери, изо всех сил замотав головой, отчего ее косички разлетелись как при сильном ветре, и обильные градины слез вмиг наполнили ее чудесные глаза.

– Девочка, садись, не бойся, это совсем не страшно, вот, смотри!

Из высокой кабины автомобиля ловко выпрыгнула Катя, средняя из детей Архипа. У него кроме нее имелось еще четыре сына. Катя же была, пожалуй, старше нашей малышки в два раза. Настоящая красавица, высокая для своего возраста, голубоглазая, с большой русой косой, обвитой ярко-синей шелковой лентой.

Видя, что малышка не двигается с места, все так же крепко вцепившись в подол материнского платья, русская соседка вернулась назад к машине и вынесла оттуда небольшое красное ведерко, доверху наполненное свежими огурцами.

– Бери, сколько хочешь!

Катя приветливо и ободряюще улыбнулась, протягивая Рукхие ведерко с огурцами.

– Они свежие и сладкие, попробуй, я их недавно сорвала! – добавила русоволосая девочка, подходя совсем близко.

От огурцов действительно исходил очень аппетитный запах. На их белых кругленьких головках торчали тонюсенькие и махонькие ярко-желтые соцветия-колокольчики.

– Агирцы?..

Рукхия нерешительно протянула ручку к ним, но тут же отдернула в испуге: огурцы сильно кололись своими короткими черными, наподобие жестких щетинок, иголочками. Тут уж мама взяла инициативу в свои руки. Взяв один огурец у Кати, она тщательно вытерла его своим передником, с которым расставалась только готовясь ко сну, и вручила его дочери. И, не давая опомниться, легко подхватила ее под мышки и подала соседу, наготове стоявшему у борта своего грузовика.

Вдвоем с дядей Архипом мама аккуратно и бережно уложила Рукхию на вынутом из сундука папином волчьем тулупе, в который, как маленького ребенка,

⁹ Гэ – сокр. от гэгэ – брат (дунг.).

закутала дочь. Несмотря на отчаянные протесты Рукхии, мать еще вынесла и накрыла ее сверху домотканым матрацем-вузы. И после всех этих манипуляций девчужка оказалась крепко зажатой между мешками и всякими тюками, составив им теснейшую компанию, и могла только шевелить руками, которые оставили ей свободными, чтобы есть огурец. Алюминиевые фляги с молоком и медом мама не поленилась и сама откатила к самому краю борта машины, а для полной безопасности подперла их тяжелыми мешками с выглядывающими оттуда зелеными метелками сочных оранжевых морковок, молодой картошки и чего-то еще. Мама очень просила ошеломленную Рукхию ни в коем случае не шевелиться, иначе (упаси и спаси, Создатель!) она может выпасть из машины. Желая избежать дальнейших слез и переживаний, отец постучал по борту тростью, пожал руку Архипу и кивнул в знак благословления. Через несколько минут машина заурчала и запыхтела медвежьим ревом, резко запахло бензином, и они тронулись. Во все нарастающем шуме Рукхия уже не могла расслышать последние напутствия матери, увидеть набежавшие на родные добрые глаза непрошенные слезы и тревогу, с какой молодая женщина долго провожала выезжавшую на проселочную дорогу машину, казавшуюся теперь монстром, поглотившим ее маленькую дочь.

В первые минуты тряски Рукхия испытывала ледящий душу, не поддающийся никакому описанию страх, большей частью из-за того, что, будучи зажатой, она чувствовала себе связанной по рукам и ногам и совсем беспомощной. Сердечко ее громко и отчаянно колотилось, готовое выскочить из груди, в то время как груженная машина, натужно и грозно рокоча, преодолевала разъезженную глинистую сельскую дорогу. Девочка ожидала, словно в кошмарном сне, что машина непременно должна будет перевернуться и опрокинуться вместе с нею, в то время как та рискованно переваливалась с боку на бок, стараясь объезжать рытвины и ухабы.

Спустя немного времени они выехали на более ровную асфальтированную дорогу, вернее, шоссе; повеселевший дядя Архип дал газу, и машина покатила уже много плавнее.

Маленькая Рукхия тоже понемногу стала приходить в себя и чуточку успокоилась, стоически привыкая к столь неожиданному и тяжелому испытанию – находиться так долго одной, такой крохе и на такой громадном, и непонятном, и опасном «драндулете»!

Катя нет-нет да и поглядывала в заднее стекло кабины, постукивала ладонью и кричала оттуда, ободряя Рукхию:

– Не бойся, девочка, мы с тобой, я вижу тебя!

Еще плохо понимавшая русскую речь малышка сквозь шум едва улавливала смысл Катиных слов. Беспомощная, лежа пластом и косясь уголком левого глаза, Рукхия временами видела профиль кричавшей и в ответ старалась кивнуть ей.

Ритмичный гул мчавшейся на недозволенной скорости машины (к счастью, в эти утренние минуты шоссе было почти пустым) сливался с едва слышимым гулом электрических и телеграфных столбов, ровно протянутых вдоль казавшейся необъятной и пугающе пустынной на ранней заре дороге.

Изредка, совсем низко над машиной и затем резко взмывая, над Рукхией с пронзительным верещанием и стрекотом молниеносно проносились ласточки и

стрижи, которые через мгновение оказывались высоко в небе. И без того донельзя напуганная девочка до искр жмурила глазки и боялась громко дышать.

Там, далеко-далеко над Рукхией, по лазурно-розовому ясному небу легко и призрачно плыли юные облака-барашки, казавшиеся ей то бороатым старичком в чудной шапке и с большим посохом (мама рассказывала в своих сказках, что подобные дедушки бывают очень добрыми волшебниками), то мальчишкой с толстыми обвислыми щеками, совсем как тот, появившийся неизвестно откуда и легко выманивший у нее отцовский серебряный молоточек (и зачем она только вынесла его на улицу?!).

Уже чувствовался солоновато-терпкий запах Иссык-Куля, и стал понемногу усиливаться прибрежный гуляка-ветер, когда Рукхия с большим удовольствием, причмокивая, доела стиснутый в ручке и позабытый в немалых переживаниях огурец. Он хоть и успел порядком завянуть, но все еще был вкусным и даже более сладким, чем прежде...

Спустя много времени, став почти уже взрослой девочкой и уехав жить с родителями в другую республику, Рукхия никогда не забывала это первое в ее чудесном детстве самостоятельное путешествие, сопряженное с великим страхом, нешуточными волнениями, новизной ощущений и знакомством с этим необъятным, не совсем счастливым, благоразумным и благополучным миром, пронизанным запахом бензина, моря и восхитительным вкусом запашистого свежего огурца.

Курбанова Залиха Усмановна родилась в 1953 году в г. Кульдже Или-Казахской автономной области в семье дипломатического работника консульства СССР на территории КНР. Вернувшись на родину отца, семья проживала в г. Пржевальске КирАССР, где в 1961 г. Залиха пошла в школу. Проживая в 1970 году в Казахской ССР в г. Алматы, поступила на работу в Алма-тинское городское управление кинофикации на должность начальника отдела кадров и проработала там до его реорганизации. Заочно окончила филфак КазГУ. Литературой начала увлекаться с 5-6-го класса, пишет статьи, очерки, стихи, рассказы. Печаталась в газетах «Пионерская правда», «Ленинское знамя», «Знамя Октября» (дунг. «Шыйёди Чи»), «Казахстанская правда», «Дунган Бо» («Хуэймин Бо»).

